

спина его была постоянно согнута въ поясницѣ, онъ казался еще миниатюрнѣе и производить впечатлѣніе существа крайне безпомощнаго и жалкаго. Онъ даже ходилъ совершенно не распрямляясь, и только когда говорилъ, нѣсколько разгибалъ спину, упираясь руками въ колѣни. Тощія руки, худое маленькое лицо, казавшееся еще меньше среди рамки волнистыхъ волосъ, довершали первое впечатлѣніе дряхлости и безпомощности. Но это было именно только „первое впечатлѣніе“, которое, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ Демидомъ, мало-по-малу сглаживалось и исчезало. Тогда вы замѣчали, что мелкія черты старика замѣчательно подвижны и жизненны; маленькіе черные глаза его сохранили почти юношескую живость и блескъ, а худыя коричневые руки съ надувшимися синими жилами и тонкая, жилистая шея кажутся скованными изъ желѣза. Видно было, что когда-то въ этомъ тѣлѣ горѣлъ огонь неуправляемый, и нужно было много дней поста, самобичеванія, самоуничтоженія, чтобы погасить его... Одѣтъ былъ Демидъ въ одну длинную бѣлую рубашу изъ самаго грубаго холста; ноги его были босы. И вся обстановка, окружавшая его, показывала, что здѣсь живетъ человѣкъ, давно отказавшійся отъ всего земнаго.

— Кто здѣсь?—началъ онъ, взглядываясь въ пришедшихъ.— А-а, Петровна... А съ тобой кто пришелъ? Не разберу я что-то...

— Это дѣвушка, Власычъ, со мной, стараго княжескаго управителя дочка... Провѣдать мы тебя зашли...

— Спаси васъ Господь... Идите, садитесь.

Демидъ, повидимому, съ трудомъ наклонился, отчего всѣ позвонки его рельефно обрисовались на бѣлой рубашѣ, выдвинулъ на средину палаша длинную скамью и тяжело опустился на нее. При этомъ что-то глухо звякнуло.

„Это должно быть вериги“, — подумала Леночка, и душа ея вдругъ наполнилась необыкновенной тоской и жалостью. Ей стало тѣсно, душно, больно...

Началась бесѣда. Говорилъ больше Демидъ, обращаясь къ Прасковѣ; Леночку же онъ, повидимому, совершенно игнорировалъ. Говорилъ онъ о смиреніи и гордости, причемъ приводилъ разные библейскіе примѣры изъ жизни Давида, Соломона и т. д. Говорилъ о праздности, корыстолюбіи, распущенности и о способахъ борьбы съ этими пороками; въ числѣ этихъ способовъ на главномъ планѣ стояли молитва и умерщвленіе плоти... Говорилъ довольно гладко, не торопясь и уснащая свою рѣчь книжными оборотами, притчами, текстами, и вообще выказалъ большую начитанность въ Писаніи. Но при всемъ томъ рѣчи его, повиди-